

«НЕКОТОРЫЕ ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НОРМОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»

В последнее время профессиональные юристы, деятельность которых связана с реальным применением действующих правовых норм, все чаще приходят к выводу об истончении некогда незыблемой связи между юридической теорией и ее практическим воплощением. В самом деле, в практике, особенно в той ее части, которая существует в относительно «молодых» сферах правового регулирования, теоретическое осмысление вновь создаваемых конструкций зачастую следует за уже принятым нормативным правовым актом, а не предшествует ему. Следствием этого является разногласия в применении постоянно обновляемого нормативного материала, отсутствие единства судебной практики и даже отказ от реализации ключевых законодательных нововведений.

Ослабление связи с юридической теорией особенно заметно в рамках нормотворческой деятельности. Устранение от теоретической догмы именно на этом этапе «жизненного пути» нормы права и является первопричиной отмеченных нами негативных проявлений в юридической практике.

Вместе с тем давать абстрактную однозначную оценку этой тенденции было бы не верно. Любое изменение устоявшегося процесса всегда обусловлено внешними факторами, суть которых и определяет направление подобных изменений. В связи с этим попытаемся оценить складывающуюся в указанной нами сфере ситуацию с практической точки зрения.

Оставим анализ всей совокупности исторических, социальных, экономических и прочих условий, в которых происходило и происходит формирование нормативных правовых актов в России, поскольку это предмет долгого и подробного исследования, далеко выходящего за рамки тезисного изложения сути избранной нами проблемы. Анализ подобных условий – это путь к ответу на вопрос «почему?», в то время как мы обратим внимание на иной вопрос: «зачем?». Коль скоро целью наших рассуждений является оценка практической значимости обозначенной тенденции, то ответ именно на этот вопрос, предполагающий определение контуров итогового результата затронутых нами процессов, и должен стать задачей цепи предлагаемых рассуждений¹.

Ответ на поставленный вопрос неминуемо приводит нас к необходимости определиться, несколько это возможно в рамках настоящих тезисов, с двумя ключевыми понятиями всех дальнейших рассуждений.

Первое из таких понятий – *цель права*.

Цель права – понятие неоднозначное. В разное время оно наполняется различным смыслом, эволюционирует от объективного отражения бытия к субъективному ограничению социальных групп и отдельных индивидов. Цель права может выражаться через категорию естественного закона, конструирующего мироустройство. В некоторых традициях она понимается как свобода каждого, согласованная со свободой иных членов общества. Реалистическая школа рассматривает в качестве цели права разграничение интересов членов общества. В марксистской традиции цель права наполнена социально-экономическим смыслом и

¹ Тем не менее, отметим, что одной из движущих сил развития рассматриваемой тенденции, является, по нашему мнению, постоянное усложнение системы общественных отношений, как следствие – возникновение необходимости создания все более специфичного и объемного массива правовых норм. В этих условиях у нормотворца просто не остается времени не только на дискуссию о содержании будущего нормативного материала, но и на качественную юридико-техническую проработку проектов нормативных правовых актов.

предполагает защиту интересов господствующего класса в распределении материальных благ.

Из беглого тезисного взгляда на различные суждения о содержании цели права видно, что ключевым его элементом является формирование границ для сохранения (установления) определенного порядка. Природа таких границ определяется соответствующей философской традицией (идеалист видит в этих границах ограничения субъективного, духовного свойства, материалист – объективного, материального), а также конкретными условиями, существующими на том или ином этапе развития общества. Очевидно, что с усложнением социальной структуры, усложняется и сеть соответствующих границ, усложняется само право, проникая в ранее закрытые сферы общественной жизни, приобретая критическое значения для дальнейшего социального прогресса.

Исходя из приведенных посылок, представляется возможным в рамках наших рассуждений сформулировать содержание цели права, как разграничение и защиту интересов отдельных индивидов и социальных групп в рамках наиболее важных общественных отношений, ориентированных на сохранение и развитие существующего общественного устройства.

Оговоримся, что здесь мы не проводим разграничения между правом (нормой права) и нормативным правовым актом (правилом поведения, содержащимся в нормативном правовом акте). Обращение к данной дискуссии усложнило бы цепь предлагаемых рассуждений, не внося в них принципиально новых положений, да и современная отечественная юридическая практика к подобному разграничению располагает далеко не всегда. Примем за данность в границах настоящих рассуждений единство понятий нормы права и нормы закона, сохраняя, тем не менее, понимание глубины и важности имеющих здесь различий².

Для того чтобы дать объективную оценку указанной нами тенденции в развитии нормотворческой деятельности следует сформулировать критерий, характеризующий отношение этой тенденции к цели права. В роли подобного критерия, производного от уже упомянутой нами *цели права*, может выступить *целесообразность*.

Категория целесообразности также имеет различное смысловое наполнение – от принципа построения окружающего мира до метода его познания. Целесообразность является характеристикой действия, отражающей соответствие поведения действующего субъекта результату, на достижение которого такое действие направлено. Одновременно с этим целесообразность выступает в качестве интеллектуального инструмента, позволяющего в реальности реализовать идеальную модель, составляющую цель совершения того или иного действия. В рамках наших рассуждений определим целесообразность как возможность обеспечения исследуемой нами тенденцией в нормотворческой деятельности достижения ранее сформулированной цели права.

Как уже было отмечено, рассматриваемая тенденция особенно характерна для тех отраслей правового регулирования, которые не могут похвастаться богатой историей своего существования, особенно в рамках отечественной юриспруденции. В самом деле, работа с нормами права из «классических» отраслей правового регулирования, таких как гражданское или уголовное право, как правило, связана с

² Более того, очевидно, что вопросы, являющиеся объектом нашего внимания, не могут быть полностью разрешены должным образом без их интерпретации сквозь призму того или иного типа правопонимания, представления о праве, как об объекте научного исследования и философского осмысления. Однако, в рамках предлагаемых вниманию читателя тезисов, мы не ставим своей задачей подобный всесторонний анализ. Здесь мы затрагиваем лишь практический аспект описываемых процессов.

серьезной предварительной проработкой проектируемых изменений в рамках крупных дискуссионных площадок или специализированных рабочих групп. Подобные изменения – это всегда предмет широкой дискуссии, не утихающей зачастую и после принятия соответствующих изменений. Примером тому может служить реформа гражданского законодательства, проводимая в России в последние несколько лет. Иным образом дело обстоит в отношении небольших по объему «оперативных» изменений в менее «популярных» отраслях правового регулирования, которые, однако, при ближайшем рассмотрении оказываются не менее значимыми для развития тех или иных групп общественных отношений.

В качестве примера обратимся к сфере регулирования государственных закупок – к одной из наиболее экономически – чувствительных и одновременно с этим запутанных сфер профессиональной деятельности юристов. 2 июля 2016 года принят Федеральный Закон № 321-ФЗ³, которым внесены изменения в Федеральный Закон от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»⁴. Согласно внесенным поправкам, правовое регулирование закупок для государственных нужд с 01.01.2017 оказалось распространено на закупочную деятельность унитарных предприятий, в том числе и в той ее части, которая не связана с бюджетным финансированием⁵. Анализ документов, сопровождавших закон на этапе его рассмотрения Государственной Думой РФ, свидетельствует об отсутствии какой-либо дискуссии о правовой природе денежных средств, «отправленных» под контроль законодательства о государственных закупках. Более того, пояснительная записка к данному документу содержит прямую отсылку к Поручению Президента РФ от 25.04.2015, согласно которому предполагалось распространение законодательства о государственных закупках исключительно на бюджетные средства, находящиеся в ведении унитарных предприятий, в то время как далеко не все расходы указанных субъектов связаны с использованием бюджетных средств⁶. Таким образом, отсутствие должной юридико-теоретической оценки предлагаемых изменений повлекло принятие законодательного акта, идущего вразрез не только с теоретической составляющей затронутой проблемы, но и с задачей соответствующего законодательного регулирования – защитой публичных финансов. Дискуссия, развернувшаяся по инициативе ряда крупных предприятий, действующих в соответствующей организационно-правовой форме, а также несколько законопроектов, направленных на корректировку создавшейся ситуации и принятие в итоге Федерального Закона от 29.06.2018 № 174-ФЗ⁷, отменившего указанное нововведение, являются подтверждением данного тезиса⁸.

³ Федеральный закон от 03.07.2016 № 321-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд и нужд отдельных видов юридических лиц» // «Собрание законодательства РФ», 04.07.2016, № 27 (часть II), ст. 4254.

⁴ Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // «Собрание законодательства РФ», 08.04.2013, № 14, ст. 1652.

⁵ Анализ данного законодательного нововведения, как и исследование иных подобных примеров, приводится здесь исключительно в качестве иллюстрации описываемых особенностей нормотворческого процесса и не является аргументированной позицией в рамках дискуссий, затрагивающих проблемы публичных финансов и иные проблемы, имеющие узкоспециальный характер. Вместе с тем, законодательные небрежности, допущенные при принятии соответствующих законов, являются настолько явными, что, как представляется, отлично иллюстрируют тенденции, затронутые в рамках настоящих рассуждений.

⁶ <http://sozd.parliament.gov.ru/bill/1036078-6>

⁷ Федеральный закон от 29.06.2018 № 174-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» и Федеральный закон "О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд" // «Собрание законодательства РФ», 02.07.2018, № 27, ст. 3957.

⁸ Здесь необходимо отметить, что в рамках названной дискуссии одним из основных аргументов противников реформы явился факт неравного положения коммерческих организаций, действующих в форме унитарного предприятия и иных коммерческих структур, основанных на праве частной собственности и лишенных необходимости соблюдать ограничения, установленные законодательством о закупках для публичных нужд.

Из приведенного примера видно, что законодателем изначально была определена цель – обеспечение надлежащей защиты публичных интересов при осуществлении закупочной деятельности унитарными предприятиями. Для достижения этого результата законодатель счел целесообразным пренебречь теоретической базой правового регулирования затронутых правоотношений, однако требуемой цели не достиг, а скорее усугубил положение целой группы хозяйствующих субъектов, в отношении которых были установлены дополнительные ограничения, резко снизившие их эффективность. Таким образом, абстрагирование от правовой природы регулируемых отношений в данном примере оказалось абсолютно нецелесообразным.

Другой показательный пример – сфера правового регулирования ответственности за негативное воздействие на окружающую среду. Здесь необходимо оговориться, что соответствующее регулирование является одним из наиболее сложных, поскольку сочетает в себе частноправовые и публично-правовые элементы, смешение которых зачастую превращает возникающий спор в клубок неразрешимых юридических проблем. К участию в соответствующей дискуссии в свое время подключился и Конституционный суд России, давший неоднозначную оценку соответствующим правоотношениям⁹, что также свидетельствует о более чем дискуссионной природе этих вопросов.

Принципиальный путь к разрешению этих проблем, правда, применительно исключительно к сфере водопользования, был найден авторами проекта, послужившего основой для принятия Федерального закона от 29.07.2017 № 225-ФЗ¹⁰, установившего путем внесения изменений в ряд ключевых нормативных правовых актов основы соответствующего регулирования при сбросе сточных вод в водные объекты. Суть предложенного выхода заключается в возложении всей совокупности ответственности за негативное воздействие на водный объект, произошедшее в результате сброса в него сточных вод, нарушающих установленные нормативы качества, на субъекта, *в отношении которого у правоприменителя имеется информация о том, что именно его деятельность повлекла за собой образование и сброс таких вод в водный объект*. При отсутствии информации – ответственность возлагается на «оператора» систем водоотведения, через сети которого сточные воды попали в водный объект. В данной ситуации информация о фактическом причинителе вреда, помимо статуса доказательства в соответствующем процессе, приобретает и характер элемента состава правонарушения, что не характерно для существующих отраслей правового регулирования, затрагивающих вопросы юридической ответственности. Пока сложно дать оценку перспективе подобного подхода в силу относительной новизны предлагаемого решения, однако уже сейчас очевидно, что подобное нововведение – попытка выхода из затянувшейся дискуссии, сопутствующей рассматриваемому сегменту хозяйственной деятельности уже не один год¹¹. Стоит отметить, что начала подобного регулирования были заложены в 2015 году, внесением изменений в Приказ Минприроды России от 13.04.2009 № 87 «Об утверждении Методики исчисления размера вреда, причиненного водным объектам

⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 05.03.2013 N 5-П

¹⁰ Федеральный закон от 29.07.2017 № 225-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О водоснабжении и водоотведении» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 31.07.2017, № 31 (Часть I), ст. 4774.

¹¹ Соответствующая дискуссия возникла в профессиональных кругах задолго до принятия отраслевого закона, посвященного вопросам водоснабжения и водоотведения. Более того, правильным будет утверждение и о том, что задача разрешения этой дискуссии явилась одним из основных поводов разработки и принятия самого упомянутого закона. Практическим подтверждением сложности поиска путей правового выхода из тупика «ответственности» в рассматриваемой сфере является более чем неоднозначная судьба всей главы указанного законодательного акта, посвященной данным вопросам: ни одна из редакций соответствующих норм фактически так и не вступила в силу в полном объеме, а в 2015 году, с принятием ряда законодательных актов, (что оказалось продиктованное мотивами, по видимому, экономического свойства), была дезавуирована почти в полном объеме.

вследствие нарушения водного законодательства»¹², однако предложенный механизм работает с пробуксовками, причиной чему, по мнению представителей профессионального сообщества, являются две причины: недостаток норм процедурного характера (не урегулирован порядок предоставления информации в уполномоченные органы), а также подзаконный статус данного документа.

В приведенном примере – цель законодателя очевидна: найти решение одной из ключевых проблем, связанных с природопользованием. Насколько подобный подход продуктивен – вопрос формирующейся в настоящее время правоприменительной практики. Однако, необходимо отметить, что подобное решение поставленной проблемы, оказалось не только и не столько результатом практической деятельности органов законодательной власти, сколько компромиссом представителей профессионального сообщества организаций коммунального комплекса, а также субъектов природоохранной деятельности.

Третий пример, который также показателен для цели иллюстрации рассматриваемой нами тенденции – институт так называемого соглашения об условиях осуществления регулируемой деятельности, «внедренный» в 2011 году с принятием Федерального закона от 07.12.2011 № 416-ФЗ «О водоснабжении и водоотведении». Идея этой конструкции, закрепленной в статье 36 Закона, состояла в регулировании комплекса частных и публичных отношений, возникающих в сфере осуществления хозяйственной деятельности в названной сфере, на основе своеобразного соглашения, заключаемого между регулируемым субъектом и регулятором – уполномоченным органом государственной власти регионального уровня. Предмет соглашения должен был охватить довольно большой круг отношений, затрагивающих вопросы качества осуществляемой хозяйственной деятельности, тарифного регулирования, а также инвестиционного и производственного планирования регулируемых субъектов. Потребность в подобном механизме была вызвана отсутствием на момент принятия Закона необходимого объема нормативного материала, обеспечивавшего регулирования названных вопросов¹³. Однако, к большому сожалению, при разработке рассматриваемой конструкции законодателем были допущены довольно серьезные нарушения, лишившие первоначальную идею возможности ее практической реализации. Так, полностью устранившись от необходимости определить правовую природу регулируемых отношений, авторы финальной версии Закона напрямую «подчинили» их нормам гражданского кодекса, что применительно к вопросам, например, тарификации, оказалось лишено всякого смысла. Кроме того, законодатель странным образом определил и круг участников регулируемых отношений, отнеся к таковым помимо организаций коммунального комплекса субъекты Российской Федерации, как публично-правовые образования, в то время как фактическим участником описываемого комплекса правоотношений должны были бы быть названы органы публичного управления. Указанные обстоятельства, дополненные негативным отношением к вновь разработанной конструкции со стороны органов государственной власти, призванных следить за финансово-экономической дисциплиной в публичной сфере, поставили крест на практической применимости рассматриваемого механизма¹⁴.

¹² Приказ Минприроды России от 13.04.2009 № 87 «Об утверждении Методики исчисления размера вреда, причиненного водным объектам вследствие нарушения водного законодательства» // «Российская газета», № 113, 24.06.2009 (опубликован без приложений 2 - 3).

¹³ Необходимо отметить, что на момент разработки проекта соответствующих законодательных положений, в них был заложен мощный регуляторный потенциал, который сам по себе являлся объектом профессиональной дискуссии (см.: Derbin, O. Öffentliche Vereinbarungen im Bereich der Wasserversorgung und Abwasserentsorgung [Text] :Novellen in der russischen Gesetzgebung / O. Derbin. // Public-private-Partnership im kommunalen Bereich. - Frankfurt am Main : PL Academic Research, 2015. -S. 213 - 225).

¹⁴ По имеющимся данным, заключение подобного соглашения перешло в разряд формальных процедур, призванных продемонстрировать соблюдение действующего законодательного регулирования, однако без цели получения какого-либо положительного эффекта. Более того, к автору данных строк не раз обращались отраслевые специалисты предприятий коммунального комплекса, расположенных в

Следует отметить, что последний из упомянутых примеров – очевидно – самый печальный из приведенных итог бесцельного нормотворчества, когда перспективная идея – плод довольно серьезной профессиональной дискуссии и практики регулирования соответствующей хозяйственной деятельности – оказалась бездумно погребена под обломками разрушенного теоретического каркаса спроектированной правовой конструкции.

К какому же промежуточному итогу рассуждений могут привести данные примеры? Прежде всего, отход от основ теории права при проектировании правовой нормы – процесс, вызванный практической, объективно существующей потребностью в логичном регулировании постоянно изменяющихся общественных отношений. Рассматриваемая тенденция по своей сути является исключительно сильнодействующим средством и, будучи, таковой, должна соответствовать критерию целесообразности не только в части необходимости оперативного принятия нормативного решения (как видно из наших примеров, подобная необходимость может быть вызвана в том числе резкой сменой социально-экономической ситуации, «пробуксовкой» в применении существующих правовых механизмов или же отсутствием достаточного объема специального правового регулирования), но и в части объективной возможности позитивно повлиять на целевую группу общественных отношений. И в этой второй части, к сожалению, критерий целесообразности в приведенных нами примерах фактически не выдерживается: нормотворец, отходя от жесткой связки между буквой закона и теорией права, со всей очевидностью не достигает принципиальной цели. Более того, цель права в том виде, в котором она сформулирована в рамках настоящих тезисов, становится и вовсе недостижимой.

Подобные выводы, в первом приближении имеют негативную окраску: тенденция к рассогласованию юридической теории и практики в нормотворческой деятельности ведет к созданию неприменимых, или же сложноприменимых правовых конструкций. Однако, при более пристальном исследовании приведенных ситуаций, можно заметить практическую особенность, имеющую ключевое значение для успешности нормотворческого процесса. Возникновение действительно применимой правовой конструкции, отвечающей потребностям сохранения и развития целевой группы общественных отношений (или имеющей хотя бы потенциал для такого сохранения и развития), возникает тогда, когда у истоков подобной конструкции, помимо прочих, находятся субъекты, *являющиеся участниками таких отношений* и обеспечивающие устойчивый баланс интересов всех групп подобных участников. Такой состав «нормотворцев» способен обеспечить устранение негативного эффекта рассматриваемой тенденции за счет объективной оценки целесообразности в принятии того или иного нормативного решения. Так, из приведенного нами примера с изменением правил ответственности за негативное воздействие на водные объекты видно, что соответствующая концепция правового регулирования возникла в качестве консенсуса профессионального сообщества организаций, осуществляющих водопользование. В свою очередь в примере, затрагивающем вопросы государственных закупок, именно представители государственных предприятий выступили инициаторами разработки и принятия законодательного акта, вернувшего им необходимую свободу хозяйственной деятельности.

Отмеченная особенность, по нашему мнению, не является частным случаем в разработке того или иного проекта нормативного правового акта¹⁵. Здесь мы имеем все основания говорить о фактически сложившейся практической составляющей нормотворческого процесса, выходящей за рамки формальной деятельности органов публичного управления – *об участии в таком процессе субъектов, сводущих в особенностях реализации целевой группы общественных отношений, в технических, организационных и прочих аспектах такой реализации*¹⁶. Указанное участие, конечно же, не является составной частью формальной деятельности уполномоченных органов публичного управления. Вот почему, выдвигая тезис о фактически сложившейся практике «профессионального» участия в нормотворческой деятельности, мы неминуемо приходим к выводу о необходимости более широкого взгляда на процесс нормотворчества. В рамках такого взгляда нормотворчество является не просто формальным исполнением уполномоченными органами государственной власти имеющихся у них полномочий, а *совокупностью различных общественных отношений (в том числе и не урегулированных специальной нормой права), итогом реализации которых является нормативный правовой акт*. Конечно же, подобный вывод не в коей мере не исключает существующий формальный механизм создания правовой нормы. Органы публичного управления, действуя в рамках своей компетенции, фактически «легализуют» совокупность существующих практических норм, придавая им форму нормативного правового акта, тем самым удостоверяя возможность их применения в качестве полноценной правовой нормы. Разумеется, здесь также не отвергается и последующий контроль за принятым документом в составе деятельности органов судебной власти.

Также следует учесть, что норма права, выработанная в рамках расширенного нормотворческого процесса, в обязательном порядке должна быть воспринята регулируемыми субъектами именно в качестве таковой, инкорпорирована в систему правил, регулирующих целевые общественные отношения. Здесь должны должным образом работать механизмы социальной, или правильнее будет сказать – профессиональной легитимации правил, составляющих содержание вновь принятых актов.

В названной системе общественных отношений возникает новый, отличный от привычного нам, субъектный состав участников нормотворческой деятельности, возникает иная, чем это принято считать этапность данного процесса. Здесь же открывается и перспектива иного взгляда на деятельность органов судебной власти и более узкую правоприменительную практику, как на составные части нормотворчества. Очевидно, более глубоким смыслом в этом контексте наполняется и процесс толкования нормативного правового акта. Однако исследование подобных элементов нормотворчества – задача, решаемая в рамках рассуждений несоизмеримо более широких и глубоких, нежели чем представленные здесь фрагментарные тезисы.

Подводя итог сказанному, представляется необходимым сделать следующий вывод: рассматриваемая нами тенденция – это объективный ответ нормотворческого процесса на необходимость оперативного и логичного развития действующего нормативного правового регулирования. В связи с этим оценивать данную тенденцию в качестве однозначно негативной нельзя. Вместе с тем, имеющиеся здесь негативные

¹⁵ Приведенные примеры, безусловно, не могут охарактеризовать особенности нормотворческого процесса во всех отраслях правового регулирования. Однако, вместе с тем, предложенная здесь выборка, как представляется, все же может свидетельствовать о некоторых устойчивых особенностях, присущих процессу создания и обновления нормативной правовой базы.

¹⁶ Примеров тому, помимо уже упомянутых, не мало. К их числу может быть отнесена реализация программы «Реформа контрольной и надзорной деятельности» (<http://контроль-надзор.рф>), в основе которой активное участие структур, объединяющих предпринимателей (РСПП, «Опора России» и иные) в актуализации ключевых нормативных правовых актов в части реализации органами исполнительной власти контрольных и надзорных полномочий.

проявления – это результат недостаточно ответственного отношения к целесообразности принимаемых нормативных решений. Скорректировать данный недостаток, как представляется, может еще большее приближение нормотворческого процесса к реалиям регулируемых отношений. И если на практическом уровне речь здесь идет о вовлечении в такой процесс самих участников целевых общественных отношений (что, по сути, является практически свершившимся фактом), то на уровне теории следует вести речь **о новом, более широком взгляде на содержание нормотворческой деятельности.**

Конечно же, мы не говорим о том, чтобы раз и навсегда отвернуть юридическую науку, как основу системы правового регулирования. Подобное отторжение ни на уровне дискуссии, ни в практике не является и не может являться возможным, поскольку привело бы к превращению всего массива правового регулирования в набор бессвязных текстов, лишенных логики и, как следствие, какого-либо регуляторного потенциала. Мы ведем речь лишь о приближении теории к практике, о возможности дать теории правового регулирования дополнительный импульс к развитию, к переводу на язык права фактически складывающихся отношений и к устранению на этом пути препятствия в виде косности некоторых юридических догм.

© О.В. Дербин
www.Oleg-Derbin.ru